

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 93/94

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-162-175

**ИТОГИ ПОЛИТИКИ КОРЕНИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ К
СЕРЕДИНЕ 1930-х – НАЧАЛУ 1940-х гг.¹****Е.А. ГУНАЕВ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8
E-mail: gunaeva@kigiran.com*

Аннотация. Политика «коренизации», проводившаяся советской властью в 1920–1930-е гг., имела свои особенности на Северном Кавказе, обусловленные сложным историческим прошлым интеграции в единое российское политическое и правовое пространство и этническим многообразием региона. Массовая коренизация на Северном Кавказе началась позже остальных регионов страны, официально была объявлена в 1929 г. В российской историографии отмечается, что данный процесс сопровождался как объективными (низкий процент грамотности, настороженность местного населения, межэтническое напряжение, вооруженное сопротивление советской власти), так и субъективными трудностями (организационно-управленческие проблемы). Коренизация была далека от завершения и к началу 1940-х гг. Сыграли свою негативную роль и массовые репрессии против руководящего состава национальных кадров, национальной интеллигенции конца 1930-х гг.

Ключевые слова: коренизация; государственный аппарат; Северный Кавказ; Северо-Кавказский край; национальные автономии; национальные районы.

**THE RESULTS OF THE KORENIZATION POLICY IN THE NORTH
CAUCASUS BY THE MIDDLE 1930s – EARLY 1940s****E.A. GUNAEV**

*The Federal State Budgetary Institution of Science
«Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
358000, Republic of Kalmykia, Elista, Ilishkina st., 8*

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» («№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

E-mail: gunaevea@kigiran.com

Abstract. The policy of “korenization” carried out by the Soviet government in the 1920s – 1930s had its own peculiarities in the North Caucasus, due to the complex historical past of integration into a single Russian political and legal space and the ethnic diversity of the region. Mass korenization in the North Caucasus began later than the rest of the country's regions, it was officially announced in 1929. Russian historiography notes that this process was accompanied by both objective (low literacy rate, alertness of the local population, interethnic tension, armed resistance to the Soviet government) and subjective difficulties (organizational and managerial problems). Korenization was far from complete by the beginning of the 1940s. Mass repressions against the leadership of the national cadres, the national intelligentsia of the late 1930s also played a negative role.

Keywords: korenization; state apparatus; North Caucasus; North Caucasus Region; national autonomies; national districts.

Общая характеристика и периодизация политики коренизации

Одним из ведущих направлений советской национальной политики, начиная с 1920-х гг. явилась коренизация как процесс вовлечения коренного населения автономий к управлению во всех сферах жизнедеятельности, прежде всего партийного и государственного управления, а также поощрение развития родных языков, национального образования. К концу 1930-х гг. коренизация была практически свернута, на смену ей пришла централизация государственного управления, основанная на русификации образования и делопроизводства. Северный Кавказ имел свою специфику развития процесса коренизации, обусловленную сложным историческим прошлым интеграции в единое российское политическое и правовое пространство и этническим многообразием региона.

А.Н. Щербак, Л.С. Болячевец, Е.С. Платонова рассматривают концепцию «маятника» применительно к советской национальной политике, для которой были характерны значительные колебания – «от акцента на развитие национальных окраин до резкого перехода к русификации» [Щербак и др. 2016: 101]. Согласно указанной концепции, они выделяют шесть периодов: 1) революция и Гражданская война (1917–1925); 2) политика позитивной дискриминации (1926–1939); 3) великодержавный русский национализм (1940–1955); 4) «коренизация» (1956–1970); 5) нарастание противоречий (1971–1985); 6) перестройка (1986–1991) [Щербак и др. 2016: 101].

Коренизация как правило относится ко второму периоду политики позитивной дискриминации. Однако к середине 1930-х годов, отмечают авторы, данная политика достигла своего предела. Произошла радикальная смена национальной политики, на политическом уровне стала проводиться политика русификации. Значительно выросла роль русского языка в образовании. «Советское правительство уже не поощряло в той же степени развитие национальных меньшинств; все национальные языки были переведены на кириллицу» [Щербак и др. 2016: 105–107].

Вместе с тем, как отмечают исследователи, коренизация была продолжена в 1956–1970 гг., «в последующий период (1971–1985) коренизация

была продолжена при одновременном усилении латентной русификации» [Щербак и др. 2016: 107].

А.А. Маркелова отмечает, что «...уже в конце 1930-х годов в условиях укрепления центральной власти и установления контроля над всеми сферами жизни общества произошло свертывание политики коренизации» [Маркелова 2017: 96]. В то же время также утверждается, что после смерти Сталина (1953 г.) начинается новая волна коренизации [Маркелова 2017: 97].

Согласно О.К. Кайковой, коренизация завершается к середине 1930-х гг. «Начавшийся с 1935 г. поворот национальной политики кардинально изменил развитие национальных меньшинств, сведя на нет почти все положительные тенденции и достижения конца 1920-х – первой половины 1930-х гг.» [Кайкова 2007: 116].

Е.В. Туфанов и И.Н. Кравченко рассматривают коренизацию в аспекте создания региональной номенклатуры, формирования класса региональных управленцев [Туфанов 2018: 35, 41], «именно представители национальных этносов стали представителями национальной партийно-государственной номенклатуры» [Туфанов, Кравченко 2021: 37].

Согласно Ст. Кульчицкому, «концепт титульной нации требовал осуществлять кампанию коренизации, т. е. укоренения советской власти в границах национальной административно-территориальной единицы. Эта кампания способствовала развитию культуры титульных наций, хотя вожди рассчитывали лишь на укоренение своей власти» [Кульчицкий 2014: 14].

По мнению Т.П. Хлыниной, коренизация «выполнила свое главное предназначение, ...некогда разрозненные “племена и народности” края благодаря настойчивости и последовательности ее осуществления становились полноценными, с точки зрения советской власти, нациями» [Хлынина 2014: 110].

Одним из двух направлений коренизации наряду с формированием национальных кадров рассматривается переход делопроизводства на национальные языки. 10 июля 1931 г. ВЦИК РСФСР установил конкретные сроки завершения указанного перехода для северокавказских регионов: Северная Осетия и Адыгея – к январю 1932 г.; Ингушетия, Черкесия, Карачай – к июню этого же года; Кабардино-Балкария и Чечня – к январю 1933 г. «Однако сроки перевода делопроизводства на национальные языки автономных образований Юга России не были выдержаны и постепенно, к середине 1930 гг., политика коренизации начала сворачиваться» [Бадмаева 2018: 17].

В конце 1930-х гг. происходит переход к обязательному изучению русского языка в школах национальных республик и областей. Это было закреплено одноименным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. Вместе с тем в данном постановлении подчеркивалось, что «родной язык является основой преподавания в школах национальных республик и областей, что исключения из этого правила, имеющие место в некоторых автономных республиках РСФСР, могут носить лишь временный характер и что тенденция к превращению русского языка из предмета изучения

в язык преподавания, и тем самым к ущемлению родного языка, является вредной и неправильной» [ЦК ВКП(б)... 2009: 394].

Как отмечает Е.Н. Бадмаева, хотя политика коренизации госаппарата и советских учреждений не была завершена и не реализована полностью, она имела большое значение для формирования национальных кадров в партийно-советском и хозяйственном руководстве, в ликвидации неграмотности населения, создании национальной письменности, культуры. «Политика коренизации позволила в определенной степени снизить нараставший рост национализма среди нерусских народов. Парадоксальность ситуации состояла в том, что она же, советская власть, потом самым жесточайшим образом расправилась с трудом возвращенной ею национальной элитой» [Бадмаева 2018: 17].

Особенности политики коренизации на Северном Кавказе

В дореволюционный период российская система образования только начала свое распространение среди горцев. Стали создаваться определенные условия, в том числе для изучения русского языка. Однако, «добиться высокого процента двуязычных представителей северокавказских народов в дореволюционный период не удалось» [Шнайдер и др. 2018: 89].

М.А. Гутиева приводит следующие особенности процесса коренизации на Северном Кавказе:

– часть местного населения настороженно воспринимало политику центральной власти, считая горцев, работающих в советских учреждениях и организациях, «завербованными, если не враждебными, то чуждыми силами» [Гутиева 2011: 4];

– серьезным препятствием был крайне низкий процент грамотности населения. «Проблема коренизации кадров не могла быть решена прежде проблемы ликвидации неграмотности. Это, в свою очередь, привело к тому, что дело коренизации кадров в национальных республиках Северного Кавказа начало сдвигаться “с мертвой точки” только к началу 1930-х гг.» [Гутиева 2011: 4].

– «копившееся в регионе на протяжении сотен лет» межэтническое напряжение, связанное в том числе с тем, что при расстановке национальных кадров на руководящие должности зачастую проявлялась связь со своими родовыми объединениями, неприкрытое кумовство [Гутиева 2011: 5];

– «на территории северокавказских республик на протяжении 1920–1930-х гг. не прекращалось вооруженное сопротивление советской власти. Наличие повстанческого движения придавало проблеме коренизации управленческих кадров особый военно-политический подтекст» [Гутиева 2011: 5].

Однако, считает М.А. Гутиева, несмотря на объективные проблемы, к концу 1930-х гг. задача коренизации кадров на Северном Кавказе, в целом, была решена [Гутиева 2011: 6].

Х.Б. Мамсиров и А.А. Лоов отмечают, что «для укрепления советской власти на местах, повышения ее авторитета в глазах горского населения, большевики, в отличие от прежнего режима, сделали ставку не на элиту, а на социальные низы, коренное изменение их образа жизни и хозяйственной деятельности, повышение социальной мобильности, на увеличение доли представителей местных народов в партийных и советских учреждениях» [Мамсиров, Лоов 2021: 100–101].

Старт массовой коренизации официально был объявлен Северо-Кавказским крайисполкомом весной 1929 г. «Президиум Северо-Кавказского крайисполкома принял 5-летний план коренизации национальных областей. Он предусматривал в 3 года укоренить советский аппарат, и в 5 летний срок — культурно-просветительные учреждения» [Мамсиров, Лоов 2021: 104].

Согласно К.Г. Дендиеву и А.Д. Осмаеву, смысловое значение «коренизации» сводилось к следующему: 1) Приблизить партийный и советский аппарат к титульным этносам; 2) Укрепить на местах советскую власть выходцами из социально-близких слоев населения; 3) Политико-культурная программа должна была служить решению национального строительства в областях и республиках СССР [Дендиев, Осмаев 2021: 128].

К.Г. Дендиев и А.Д. Осмаев отмечают, что «“коренизация”, несомненно, аккумулировала высокий уровень кадровой мобильности Чечено-Ингушетии» [Дендиев, Осмаев 2021: 128].

Итоги коренизации к середине 1930-х – началу 1940-х гг.

В сборнике «Итоги разрешения национального вопроса в СССР» приведены сведения о коренизации в национальных регионах, в том числе по Северному Кавказу (Дагестанская АССР; Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Черкесская автономные области) на 1 февраля 1933 г. [Итоги... 1936: 161–164] Рассмотрим коренизацию на примере аппарата госучреждений указанных регионов РСФСР.

Так, в Дагестанской АССР из 1697 работников республиканского аппарата 501 были женщины, по основным национальностям распределение составило: аварцы 90 (11 – женщины), лезгины – 50 (2), кумыки – 70 (3), даргинцы – 31 (1), лакцы – 42 (3), табасараны – 5 (0). Итого коренных национальностей было 324 чел., из них 20 женщин, в процентах соответственно 15% и 4% (женщины коренных национальностей среди всех женщин) [Итоги... 1936: 161].

На районном уровне аппарата госучреждений из 1758 чел. (307 женщин), коренных национальностей было 855 (43), в процентах 48,6 % (14%). По национальности: аварцы 283 (12 – женщины), лезгины – 145 (7), кумыки – 166 (10), даргинцы – 148 (7), лакцы – 65 (6), табасараны – 1 (0).

Из числа работников сельского аппарата 573 чел. (2 – женщины) коренных национальностей было 389 чел. (1), в процентах 67,9 % (50 %). По

национальности: аварцы 136 (0), лезгины – 68 (0), кумыки – 53 (0), даргинцы – 82 (0), лакцы – 37 (1), табасараны – 1 (0) [Итоги... 1936: 161].

Как видим, в Дагестанской АССР высокий процент коренных национальностей наблюдался на низовом сельском уровне (почти 70 %), на районном уровне он падает ниже 50 % и на республиканском составил только 15 %. Такая же ситуация по представительству женщин коренной национальности. Вместе с тем, на низовом уровне планка в 50 % достигнута чисто статистически, т.к. всего в сельском аппарате госучреждений числилось 2 женщины [Итоги... 1936: 161].

В Кабардино-Балкарской автономной области из общей численности работников областного аппарата 1010 чел. (293 женщины) коренные национальности были 177 чел. (17 %), в процентах – 17,5 % (5,8 %). Из них кабардинцы – 135 (12), балкарцы – 42 (5) чел. На районном уровне 656 чел. (200 женщин), из них 176 чел. (26,8 %) коренных национальностей, включая 36 женщин (18 %). Кабардинцы – 151 (33) чел., балкарцы – 25 (3). В сельском аппарате (сельсоветах) общая численность составляла 137 чел. (26 женщин), из них работников коренных национальностей 55 (9) чел., в процентах – 40,1 % (34,6%). По национальности: кабардинцы – 45 (9) чел., балкарцы – 10 (0) [Итоги... 1936: 162].

По Кабардино-Балкарской автономной области картина примерно та же, на низовом сельском уровне коренизация была выше, включая процент женщин. Однако сами проценты значительно ниже, чем по Дагестанской АССР, в сельсоветах не было представлено ни одной женщины балкарской национальности [Итоги... 1936: 162].

В составе областного аппарата Северо-Осетинской автономной области состояло 740 чел., из них 214 женщин. Число осетин среди всех работников данного уровня составляло 338 чел. (70 женщин), в процентах 45,7 % (32,7%). Районный аппарат был представлен 288 работниками, в том числе 64 женщины. Из них осетин соответственно было 190 чел. (27 женщин), в процентах 66 % (42,2%). На уровне сельсоветов из 136 работников, включая 19 женщин, осетины составляли 110 чел. (9 женщин), в процентах 80,8% (47,9%). Как видим, в Северной Осетии на областном уровне процент коренизации был также менее 50 %, однако значительно выше, чем в других автономиях Северного Кавказа [Итоги... 1936: 163].

В Черкесской автономной области данные по коренизации государственного аппарата представлены тремя национальностями – черкесами, кабардинцами и ногайцами. На областном уровне из 453 чел. (176 женщин) коренные национальности составляли 75 чел. (10 женщин), процент коренизации составил соответственно 16,6 % (5,7 %). По национальностям данные распределились следующим образом: черкесы – 39 чел. (3 женщины), кабардинцы – 15 (1), ногайцы – 21 (6). В районном аппарате состояло всего 8 чел., из них 1 женщина, процент коренизации 25 %, по женщинам 0 %. Из них 1 черкес и 1 кабардинец, ногайцы не были представлены вовсе. Уровень сельсоветов включал 71 работника (17 женщин). Из них коренные национальности составляли 39 чел. (5 женщин), процент коренизации – 54,9%

(29,4%). По национальностям: черкесы – 27 чел. (2 женщины), кабардинцы – 6 (2), ногайцы – 6 (1). Особенностью Черкесской автономной области являлось низкая обеспеченность работниками районного уровня аппарата государственных учреждений, тогда как на областном уровне она была самой высокой. Процент коренизации также был низким, за исключением сельсоветов, где несколько превышал 50 % [Итоги... 1936: 164].

В архивных документах отмечается, что в сентябре 1935 г. Совет Национальностей ЦИК СССР в связи с поступившими к нему материалами о фактах «искривления ленинско-сталинской национальной политики» в Северо-Кавказском крае и в частности в связи с опубликованной в «Правде» 22 сентября 1935 г. заметкой «Нарушители национальной политики партии» командировал на Северный Кавказ инструктора Президиума ЦИК СССР для проверки правильности этих сведений и «для ознакомления с делом осуществления в крае ленинско-сталинской национальной политики, в частности обслуживания нацменьшинств и раскрепощения женщин» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 110].

Обследование выявило крайне неудовлетворительное состояние дела коренизации советского аппарата и совершенно недостаточную работу среди нацменьшинств в Северо-Кавказском крае. Вопросами коренизации Северо-Кавказский крайисполком почти не занимался. Игнорировались и не выполнялись решения ВЦИК по этому вопросу. Так, не были выполнены решения ВЦИК от 10 мая 1931 г. об усилении темпов коренизации и перевода делопроизводства советских и других органов на родной язык соответствующей национальности и об обеспечении в местной промышленности автономных областей к концу 1932 г. не менее 70% рабочих местных национальностей и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1931 г. о переводе работы сельсоветов и райисполкомов на родной язык населения. Утверждается, что «явно игнорировалось постановление I съезда советов Северо-Кавказского края, обязывавшее крайисполком во всей предстоящей работе уделять самое неослабное внимание усилению коренизации местного и краевого советского аппарата. Сигналы краевой и центральной печати о неблагополучии на этом участке также не послужили соответствующим уроком и предупреждением для крайисполкома» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 110].

В результате оказалось, что в 18 краевых учреждениях, насчитывавших 1 310 работников, только 17 работников коренных национальностей или 1,3 %. В значительной части краевых учреждений не было ни одного работника коренной национальности. В аппарате Крайземуправления среди 314 работников из коренных национальностей был представлен только один осетин. Во всех национальных областях края в областных, районных учреждениях и даже аульных, за исключением горных районов Чечено-Ингушетии, делопроизводство велось исключительно на русском языке. Письменная связь с населением осуществлялась только на русском языке, несмотря на то, что значительная часть населения русского языка еще не

понимала. Не лучше обстояло дело с вовлечением коренного населения в производство.

В связи с таким положением в Северо-Кавказском крае Президиум ЦИК СССР заслушал 7 января 1936 г. доклад председателя Северо-Кавказского крайисполкома т. Пивоварова. Своим решением по докладу Президиум ЦИК СССР признал неудовлетворительной работу крайисполкома и местных исполкомов в области коренизации и обслуживания коренных национальностей и нацменьшинств на их родном языке и обязал крайисполком и его органы добиться того, чтобы в его аппарате было не менее 1/3 состава работников из местных национальностей, подготовив этих работников в течение двухлетнего срока, и обеспечить в дальнейшем «суровую борьбу со всякими искривлениями и конкретными нарушителями национальной политики» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 110].

Рассмотрим Постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР от 26 июня 1936 г. «О ходе выполнения Постановления Президиума ЦИК СССР от 7 января 1936 г. о нарушении национальной политики в Северо-Кавказском крае» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66]. Согласно указанному Постановлению были заслушаны доклады Председателя ЦИК Дагестанской АССР т. Далгат, председателей исполкомов областей – Чечено-Ингушской – т. Горчханова, Кабардино-Балкарской – т. Черкесова, Северо-Осетинской – т. Тогоева, Карачаевской – т. Курджиева, Черкесской – т. Камбиева и содоклад инструктора Президиума ЦИК СССР т. Богданова о ходе выполнения постановления Президиума ЦИК СССР от 7 января 1936 г. Президиум Совета национальностей ЦИК СССР отметил, что в результате принятых Северо-Кавказским крайисполкомом, ЦИК Дагестанской АССР, облисполкомами автономных национальных областей практических мероприятий по осуществлению Постановления Президиума ЦИК СССР, «за последнее время имеется определенный сдвиг в деле коренизации государственного и кооперативного аппарата, вовлечения коренных национальностей в производство, подготовки национальных кадров и обслуживания коренных национальностей и нацменьшинств на их родном языке» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Констатировалось, что наибольшие успехи были достигнуты Северо-Осетинской автономной областью, «где почти полностью коренизирован аппарат сельских и районных организаций с переводом делопроизводства на родной язык и успешно коренизируется аппарат областных учреждений» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

В центре Северо-Кавказского края, в Дагестанской АССР и национальных областях была развернута сеть различных курсов по подготовке национальных кадров с охватом более 2 тыс. чел. из коренных национальностей и нацменьшинств. Наряду с этим Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР отмечал неудовлетворительные темпы перевода на родной язык делопроизводства сельских советов, райисполкомов и отделов облисполкомов в Чечено-Ингушской, Карачаевской и Черкесской автономных областях; «неудовлетворительно проводится в этих областях, а также в Кабардино-

Балкарской области и Дагестанской АССР коренизация аппарата областных и республиканских учреждений, не обеспечено в должной мере вовлечение коренных национальностей в промышленность, особенно в предприятия союзного значения (Чечено-Ингушская АО – Грознефть и Северо-Осетинская АО – Электроцинк, вагоно-ремонтный завод, Дагестан – предприятия местной пищевой промышленности)» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Согласно названному Постановлению, Северо-Кавказский крайисполком не установил необходимого систематического контроля за выполнением Постановления Президиума ЦИК СССР краевыми и областными учреждениями. Вследствие этого ряд краевых учреждений (крайзу, крайоно, прокуратура, крайсуд, крайкоммунхоз, промбанк и др.) не провели надлежащих мероприятий по коренизации своего аппарата, по подготовке национальных кадров, особенно специалистов. Особенно слабо были охвачены курсами подготовки национальных кадров женщины-горянки [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Была зафиксирована неудовлетворительная работа крайоно и областных ОНО (отделов народного образования) по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения коренных национальностей и нацменьшинств; слабое выполнение плана издания учебников и массовой литературы на национальных языках. «Работа среди нацменьшинств в крае не обеспечена соответствующим руководством, контролем и практической помощью» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

В этой связи, Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР предложил ЦИК Дагестанской АССР, областным исполнительным комитетам нацобластей Северного Кавказа принять все меры к полному выполнению Постановления Президиума ЦИК СССР, «обратив особое внимание на ликвидацию неграмотности и малограмотности среди взрослого населения, на подготовку национальных кадров, особенно специалистов, вовлечение коренных национальностей в промышленность, обеспечение трудящегося населения аулов культурным обслуживанием и литературой на родном языке» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66]. Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР постановил установить контроль и систематическую проверку работы всех областных, районных и сельских организаций по проведению коренизации аппарата и переводу делопроизводства на родной язык в установленные крайисполкомом сроки.

Северо-Кавказскому крайисполкому было предложено обеспечить систематический контроль выполнения Постановления Президиума ЦИК СССР краевыми и областными учреждениями, «установив регулярную проверку и заслушивание докладов краевых учреждений, областных исполкомов, районных исполкомов и руководителей предприятий. Взять под особое наблюдение работу крайзу, крайоно, крайпрокуратуры, суда и финансово-банковских органов с тем, чтобы обеспечить полное выполнение указанными учреждениями постановлений Президиума ЦИК СССР и краевого исполнительного комитета по вопросам коренизации, приняв меры воздействия

по отношению к отдельным руководителям, не обеспечивающим выполнение этих постановлений» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Народным комиссариатам промышленности и земледелия СССР было предложено при распределении оканчивающих вузы и втузы студентов из горских национальностей «особо учитывать острую потребность нацобластей Северо-Кавказского края в кадрах специалистов для промышленности и сельского хозяйства» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

Учитывая, что предусмотренные в бюджете Северо-Кавказского края 1936 г. средства на курсовые мероприятия, издание литературы и учебных пособий на языках национальностей Северо-Кавказского края не обеспечивали плановых потребностей, а в бюджете Дагестанской АССР совершенно отсутствовали ассигнования на эту цель, исполкому Северо-Кавказского края и ЦИК Дагестанской АССР было предложено изыскать необходимые средства и в случае крайней нужды в дополнительных средствах для обеспечения выполнения Постановления Президиума ЦИК СССР от 7 января 1936 г. поставить вопрос об отпуске средств перед правительствами Союза ССР и РСФСР [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1849. Л. 64–66].

О состоянии дел с коренизацией в Северо-Кавказском регионе в начале 1940-х гг. можно судить по ряду документов, опубликованных в сборнике «ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945» [ЦК ВКП(б)... 2009]. Например, согласно справке сектора информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о неудовлетворительном положении с выдвижением национальных кадров в Черкесской АО (Позднее 22 февраля 1940 г.), проверкой было установлено неудовлетворительное положение с выдвижением национальных кадров в аппарат областных организаций Черкесской автономной области и в особенности в обком ВКП(б), где коренные национальности составляли всего 15%. В 19 областных организациях не было ни одного работника из местных национальностей. Совершенно неудовлетворительно выдвигались местные национальные кадры в партийный аппарат райкомов ВКП(б) области. Плохо вовлекались национальные кадры в промышленность и торговлю. «В промышленных предприятиях национальные кадры составляют 8,4%, а в торговых организациях – 14,3%» [ЦК ВКП(б)... 2009: 527].

Согласно докладной записке заместителя заведующего организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) М.А. Шамберга и заместителя начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) А.А. Савченко секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о работе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) (Не позднее 19 апреля 1940 г.), большим недостатком являлось то, что совершенно не уделялось внимание «подбору, расстановке и выращиванию местных национальных кадров и особенно женщин (чеченок и ингушек)». Отмечалось, например, что в аппарате обкома ВКП(б) из 74 работников чеченцев 5 чел., ингушей 3 чел. «В Грозненском горкоме ВКП(б) нет ни одного чеченца и ингуша. Во всем партийном аппарате республики чеченцев и ингушей 21%, из них только 4 ингушки и нет ни одной чеченки. Из 47 чел. работников Совнаркома ЧИАССР только 3 чел. чеченцев, в НКЗ (Народном комиссариате

земледелия) из 60 чел. – 1 чеченец, в УНХУ (Управлении народнохозяйственного учета) из 70 работников – всего 3 чеченца. В нефтяном институте и техникуме из 978 слушателей 25 чеченцев и 10 ингушей. Из 371 слушателя пединститута 21 чеченец и 3 ингуша. На заочном и подготовительном отделениях пединститута из 369 слушателей нет ни одного чеченца и ни одного ингуша. В нефтяном институте в Орджоникидзевском и Асламбековском педучилищах, в музучилище нет ни одной чеченки и ингушки. В пединституте учатся одна чеченка и одна ингушка. В нефтяном техникуме – одна чеченка. В политпросветшколе учатся 2 чеченки. Даже при Московском театральном институте занимается Чечено-Ингушская студия в количестве 41 чел., а чеченок и ингушек из них только 4 чел.» [ЦК ВКП(б)... 2009: 545].

Согласно Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) о работе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) от 26 апреля 1940 г.: «Чечено-Ингушский обком ВКП(б) плохо занимался воспитанием и выдвижением национальных кадров. На хозяйственную, советскую и партийную работу мало выдвигается чеченцев и ингушей. Незначительное также количество чеченцев и ингушей учится в высших учебных заведениях Чечено-Ингушетии» [ЦК ВКП(б)... 2009: 548].

В отчете Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) о ходе выполнения решения Политбюро ЦК о работе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) от 2 июня 1940 г. отмечалось: «В деле исправления допущенных обкомом партии ошибок, выразившихся в подборе и выдвижении кадров, обком партии за истекший месяц уделил главное внимание выдвижению на руководящую работу национальных кадров и укреплению как республиканских, так и районных организаций. За этот месяц выдвинуто на руководящую работу 86 чел., в том числе 63 чел. чеченцев и ингушей. Укомплектованы полностью аппараты обкома и горкома ВКП(б), причем если до решения ЦК ВКП(б) в обкоме партии работало всего 12 чел. чеченцев и ингушей, то в настоящее время в аппарате обкома работает 21 чел. чеченцев и ингушей. Кроме того, в целях подготовки высококвалифицированных национальных кадров сельского хозяйства обком ВКП(б) вошел с ходатайством перед ЦК ВКП(б) о реорганизации Чечено-Ингушского колхозного сельскохозяйственного техникума в сельскохозяйственный институт» [ЦК ВКП(б)... 2009: 554–555].

Как отмечает В.А. Шнирельман, «в 1930-х гг. в ЧИ АССР проходила коренизация, и к началу 1937 г. 70 % работников властных структур республики были выходцами из чеченцев и ингушей. Однако сталинские репрессии не позволили им воспользоваться этими позитивными изменениями во благо своих народов» [Шнирельман 2006: 109].

Выводы

Таким образом, рассмотрев итоги политики коренизации на Северном Кавказе к середине 1930-х – началу 1940-х гг. можно сделать следующие выводы. Массовая коренизация на Северном Кавказе началась позже остальных регионов страны, официально была объявлена в 1929 г. В российской

историографии отмечается, что данный процесс сопровождался как объективными (низкий процент грамотности, настороженность местного населения, межэтническое напряжение, вооруженное сопротивление советской власти), так и субъективными трудностями (организационно-управленческие проблемы). Коренизация была далека от завершения и к началу 1940-х гг. Сыграли свою негативную роль и массовые репрессии против руководящего состава национальных кадров, национальной интеллигенции конца 1930-х гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бадмаева 2018 – *Бадмаева Е.Н.* Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг. // *Oriental Studies*. – 2018. – Т. 38. – № 4. – С. 11–23.

Гутиева 2011 – *Гутиева М.А.* Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2011. – № 1. – С. 2–7.

Дендиев, Осмаев 2021 – *Дендиев К.Г., Осмаев А.Д.* Кадровая политика советского государства в Чечено-Ингушетии 1920–1930 гг. (политико-правовой аспект) // *Вестник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН*. – 2021. – № 1 (5). – С. 124–132. DOI: <https://doi.org/10.34824/VKNIIRAN.2021.5.1.016>

Итоги... 1936 – *Итоги* разрешения национального вопроса в СССР: Сборник / под ред. С. Диманштейна; Научно-исследовательский институт национальностей СССР при ЦИК Союза ССР. – М.: Издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1936. – 224 с.

Кайкова 2007 – *Кайкова О.К.* Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х – середина 1930-х гг.) // *Вестник РУДН. Сер. «История России»*. – 2007. – № 3. – С. 111–118.

Кульчийкий 2014 – *Кульчийкий Ст.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // *Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г.* – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. – 686 с.

Мамсиров, Лоов 2021 – *Мамсиров Х.Б., Лоов А.А.* Особенности «коренизации» государственных и культурных учреждений Кабардино-Балкарии в свете новых архивных документов // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2021. – № 1. – С. 96–129. DOI <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-1-96-129>

Маркелова 2017 – *Маркелова А.А.* К вопросу о национальной политике СССР // *Научный вестник ВФ РАНХиГС. Сер. Политология и социология*. – 2017. – № 3. – С. 94–98.

Туфанов 2018 – *Туфанов Е.В.* К вопросу об источниках рекрутирования региональных управленцев в 1920–1930-е гг. на материалах Северного Кавказа // *Вестник Калмыцкого университета*. – 2018. – № 37 (1). – С. 32–42.

Туфанов, Кравченко 2021 – *Туфанов Е.В., Кравченко И.Н.* Партийно-государственная номенклатура и процесс индустриализации в Северокавказском регионе // *Вестник Калмыцкого университета*. – 2021. – № 49 (1). – С. 31–38.

Хлынина 2014 – *Хлынина Т.П.* Коренизация и решение национального вопроса на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг. // *Вестник Южного научного центра РАН*. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 106–111.

ЦК ВКП(б)... 2009 – *ЦК ВКП(б)* и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 1095 с.

Шнайдер и др. 2018 – *Шнайдер В.Г., Шхачемуков Р.М., Абрегова Ж.О.* Советская национальная политика на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): особенности

методологии исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2018. – № 4 (229). – С. 84–93.

Шнирельман 2006 – Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.

Щербак и др. 2016 – Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 100–123.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия

REFERENCES

BADMAEVA E.N. *Istoricheskii opyt formirovaniya organov upravleniya i provedeniya politiki korenizatsii v natsional'nykh avtonomiyakh Yuga Rossii v 1920–1930 gg.* [Korenization in national autonomies of Southern Russia in the 1920–1930s: a historical experience of administrative apparatus formation and policy implementation]. IN: *Oriental Studies*. – 2018. – Vol. 38. – No. 4. – P. 11–23. (In Russian)

DENDIEV K.G., OSMAEV A.D. *Kadrovaya politika sovetskogo gosudarstva v Checheno-Ingushetii 1920–1930 gg. (politiko-pravovoi aspekt)* [Personnel policy of the Soviet State in Chechen-Ingushetia 1920-1930 (political and legal aspect)]. IN: *Vestnik Kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta im. Kh.I. Ibragimova RAN*. – 2021. – No. 1 (5). – P. 124–132. DOI: <https://doi.org/10.34824/VKNIIRAN.2021.5.1.016> (In Russian)

GUTIEVA M.A. *Politika korenizatsii kadrov i osobennosti ee realizatsii na Severnom Kavkaze* [Policy of personnel assimilation and peculiarities of its realization in North Caucasus in 1920-1930s]. IN: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. – 2011. – No. 1. – P. 2–7. (In Russian)

Itogi razresheniya natsional'nogo voprosa v SSSR: Sbornik / pod red. S. Dimanshteina [The Results of the resolution of the national question in the USSR: collection. Ed by S. Dimanshtein]. – М.: Izdatel'stvo «Vlast' Sovetov» pri Prezidiume VTsIK, 1936. – 224 p. (In Russian)

КАИКОВА О.К. *Politika «korenizatsii» v sel'sovetakh natsional'nykh raionov RSFSR (vtoraya polovina 1920-kh – seredina 1930-kh gg.)* [Policy of introduction of native population in national areas and village soviets in RSFSR (second half of 1920s - middle of 1930s)]. IN: *Vestnik RUDN. Ser. «Istoriya Rossii»*. – 2007. – No. 3. – P. 111–118. (In Russian)

KHLYNINA T.P. *Korenizatsiya i reshenie natsional'nogo voprosa na Severnom Kavkaze v 1920-e – 1930-e gg.* [Korenizatsiya and solution of the national question in the Northern Caucasus in the 1920s – 1930s]. IN: *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – Vol. 10. – No. 3. – P. 106–111. (In Russian)

KULCHITSKY St. *Status titul'nykh natsii v psevdofederativnoi gosudarstvennoi strukture SSSR na etape sozdaniya sovetskogo stroya (1917–1938 gg.)* [The status of titular nations in the pseudo-federal state structure of the USSR at the stage of the creation of the Soviet system (1917-1938)]. IN: *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g.* [Soviet nations and national politics in the 1920s-1950s: proceedings of the VI International scientific conference. Kyiv, October 10-12, 2013]. – М.: Politicheskaya entsiklopediya; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», 2014. – 686 p. (In Russian)

MAMSIROV H.B., LOOV A.A. *Osobennosti «korenizatsii» gosudarstvennykh i kul'turnykh uchrezhdenii Kabardino-Balkarii v svete novykh arkhivnykh dokumentov* [Peculiarities of Indigenization of Administrative and Cultural Institutions of Kabardino-Balkaria in the Light of Newly Found Archival Documents]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2021. – No. 1. – P. 96–129. DOI <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-1-96-129> (In Russian)

MARKELOVA A.A. *K voprosu o natsional'noi politike SSSR* [To the question of the USSR national policy]. IN: *Nauchnyi vestnik VF RANKhiGS. Ser. Politologiya i sotsiologiya*. – 2017. – No. 3. – P. 94–98. (In Russian)

SHCHERBAK A.N., BOLYACHEVETS L.S., PLATONOVA E.S. *Istoriya sovetskoi natsional'noi politiki: kolebaniya mayatnika?* [History of the Soviet national policy: swing of the pendulum]. IN: *Politicheskaya nauka*. – 2016. – No. 1. – P. 100–123. (In Russian)

SHNAIDER V.G., SHKHACHEMUKOV R.M., ABREGOVA Zh.O. *Sovetskaya natsional'naya politika na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): osobennosti metodologii issledovaniya* [The soviet national policy in the North Caucasus (1917 – the end of the 1950s): features of methodology of research]. IN: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2018. – No. 4 (229). – P. 84–93. (In Russian)

SHNIRELMAN V.A. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the twentieth century]. – M.: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006. – 696 p. (In Russian)

TsK VKP(b) i natsional'nyi vopros. Kniga 2. 1933–1945 / Sost. L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya, Dzh. Kadio [The Central Committee of the All-Russian Communist Party (Bolsheviks) and the National Question. Book 2. 1933-1945. Compiled by L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya, J. Kadio] – M.: *Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)*, 2009. – 1095 p. (In Russian)

TUFANOV E.V. *K voprosu ob istochnikakh rekrutirovaniya regional'nykh upravlentsev v 1920–1930-e gg. na materialakh Severnogo Kavkaza* [The ways of nomination regional executives in 1920s – 1930s on the example of the North Caucasus]. IN: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2018. – No. 37 (1). – P. 32–42. (In Russian)

TUFANOV E.V., KRAVCHENKO I.N. *Partiino-gosudarstvennaya nomenklatura i protsess industrializatsii v Severokavkazskom regione* [Party-state nomenclature and the process of industrialization in the North Caucasus region]. IN: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2021. – No. 49 (1). – P. 31–38. (In Russian)

NA RK – *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of the Republic of Kalmykia] (In Russian)